

— Я к нему со всей душой, а он кусается, — Цзян Чжоу не поддался на провокацию. — Слушай меня внимательно, Цзян Сиси: с твоим ростом «метр с кепкой» я тебя в реку заброшу одним движением, и глазом моргнуть не успеешь. Понял?

— Ага, понял, — Цзян Си по-прежнему расплывался в улыбке. — Брат, я был неправ. Прости.

У самого дома Цзян Чжоу наконец спустил его на землю. Цзян Си тут же принялся усиленно растирать щеки.

— Брат, посмотри... не видно, что я плакал?

Сердце Цзян Чжоу дрогнуло. Он протянул руку и легонько ущипнул парня за мягкую, как тесто, щеку.

— Ох ты мой бедный, несчастный...

— Видно? — из-за зажатой щеки рот Цзян Си смешно перекосило.

— Нет, — улыбнулся Цзян Чжоу.

Разжав пальцы, он достал из кармана молочную ириску и торжественно протянул её парню.

— Скушай — и все печали как рукой снимет.

Цзян Си весело принял угощение.

— Почему у тебя всегда только ириски?

— Да кто ж его знает, — Цзян Чжоу похлопал себя по карманам. — Каждый раз, когда хочу тебя угостить, под руку попадается именно молочная. Тебе не нравится?

На самом деле Цзян Си был равнодушен к сладкому, но ему безумно нравилось само ощущение: принимать конфету из рук брата. Цзян Чжоу был, пожалуй, самым отъявленным сладкоежкой из всех, кого он знал — и как только ему не приторно?

— Нравится, — Цзян Си завороченно уставился на карман куртки. — Такое чувство, будто они там сами собой растут. Бесконечным потоком.

Цзян Чжоу со смехом легонько щелкнул его по лбу.

— Ладно тебе. В следующий раз сам лезь и доставай.

Стоило им войти в дом, как до ушей донеслись восторженные вопли Сяо Куэй. Вернулся Цзян Бинлинь и, как водится, привез своей любимице целую гору подарков.

Пока девочка тащила Цзян Си собирать пазлы, Цзян Чжоу обреченно уселся на диван — выслушивать наставления отца. Эту процедуру он проходил при каждом его возвращении. Бинлинь не жаловал мессенджеры, считая, что воспитание лицом к лицу куда эффективнее: так проще сохранять суровый вид и поддерживать авторитет.

Едва отец начал расспрашивать сына о поведении в школе, Сяо Куэй из-за дивана крикнула: «Папа, посмотри!» Цзян Бинлинь мгновенно обернулся к дочери с нежнейшей улыбкой, но, снова повернувшись к сыну, тут же вернул лицу предельно серьезное выражение.

— В общем, всё нормально. В драки не лез, — ответил Цзян Чжоу. «Сегодняшняя дракой не считается, — подумал он. — Это была чистой воды экзекуция». — На уроках особо не буянил, оценки... ну, как обычно. Спортом занимаюсь — правда, сейчас похолодало, так что в баскетбол почти не играем.

Он сидел, подперев голову рукой, и отвечал без малейшего интереса. Он наблюдал, как отец то и дело поворачивался к дочери и менялся в лице, словно маска в сычуаньской опере: авторитет то воздвигался, то рушился, и так по кругу. Стало даже жаль старика — утомительно же, наверное.

— Если вопросов больше нет, я пойду помогу мелкой с пазлом, — Цзян Чжоу начал подниматься.

— Погоди, есть еще кое-что, — Бинлинь жестом заставил его сесть обратно.

Цзян Чжоу перестал смотреть на него и перевел взгляд на Цзян Си, который, склонив голову, сосредоточенно подбирал детальки мозаики. О нём самом он еще толком ничего не выяснил.

— Твой день рождения уже скоро, как раз на выходные в честь Нового года выпадает. Не хочешь съездить к бабушке? — голос Бинлиня звучал неуверенно. Говоря с сыном об отце, он всегда чувствовал себя не в своей тарелке. — Если не хочешь ехать на зимние каникулы, то хотя бы день рождения отметь там.

— Нет, — отрезал Цзян Чжоу. — Я не поеду туда справлять.

— Цзян Чжоу! — отец резко повысил голос. — Тебя просто просят навестить деда, что ты ведешь себя так, будто вы заклятые враги? Он старый человек. Даже если он скажет что-то резкое, ты, как младший, должен просто выслушать и промолчать. Ты — старший внук семьи Цзян, ты для него...

— Старший внук семьи Цзян, — Цзян Чжоу в упор посмотрел на отца. — Ну да, конечно. Я же старший внук, драгоценное сокровище, надежда всей семьи. Меня нельзя трогать, нельзя ругать, на меня нельзя даже голос повышать. Я вырос, купаясь в его любви и обожании, так ведь? Не только чужие люди, даже вы все так думаете.

Сказав это, он горько и саркастично усмехнулся.

— Сын, — помрачнел Бинлинь, — отец знает, что у тебя на душе обида. Если ты хочешь винить кого-то...

— Я никого не виню, — Цзян Чжоу почувствовал резкий приступ раздражения.

Он думал, что если похоронить старые раны поглубже, то со временем научится справляться с ними, но фитиль всё равно вспыхивал от малейшей искры. И теперь приходилось тратить огромные силы, чтобы его потушить.

— На день рождения я правда не поеду, — он взъерошил волосы. — Позже, на зимних каникулах... загляну к нему.

***

Цзян Чжоу и раньше опасался, что с таким замкнутым характером Цзян Си в новой школе будет несладко, но сегодня он лично убедился, насколько всё плохо. Причем издевательства были какими-то гнусными: те убудки умудрились разнюхать про родителей парня.

Сам Цзян Чжоу о его родителях тоже не знал ровным счетом ничего. Поэтому после ужина он постучался в комнату к матери — единственной, кто был лучшей подругой матери Цзян Си.

— О, сынок, что случилось? — Линь Энь наносила крем, заметив, что сын выглядит хмурым. — Опять отец нотации читал?

Цзян Чжоу прислонился к дверному косяку, скрестив руки на груди.

— Мам, почему ты никогда не рассказывала мне о Цзян Си? О его родителях, о том, в какой семье он рос? Ты даже ни разу не сказала, что я должен как-то по-особому о нём заботиться. Даже Сяо Куэй знает, что вы с его матерью были лучшими подругами.

Линь Энь на мгновение растерялась.

— Вся эта история... ты ведь даже не спросила моего мнения, не поинтересовалась, что я об этом думаю. Ты просто привела в дом человека, ничего толком не объяснив! — он закрыл за собой дверь. — Ты не думала, что этому парню придется жить под одной крышей с твоим

сыном? Тебя не беспокоило, что мы можем не поладить?

— Тише, сынок, успокойся. Сядь, — Линь Энь поднялась. — Для начала позволь мне спросить: вы с Сиси плохо ладите? Он тебе неприятен?

Цзян Чжоу вздохнул.

— Да нет, конечно.

— Ну вот и славно, — Линь Энь подошла к нему. — Присядь. Я расскажу тебе всё. С самого начала.

Сын опустился на край кровати, а мать уселась на мягкий пуфик перед туалетным столиком. Какое-то время они молча смотрели друг на друга.

Наконец Цзян Чжоу позвал её, и Линь Энь прикрыла глаза ладонью.

— Ох, извини... Мне нужно было собраться с мыслями, не знала, с чего начать. Во-первых, я должна извиниться перед тобой. Я и впрямь не посоветовалась с тобой, когда решила забрать Цзян Си, — серьезно произнесла она. — Но пойми, сынок, всё произошло слишком внезапно. Я и раньше об этом подумывала, но лишь в теории — даже отцу твоему не успела толком сказать. А когда он приехал, я вся ушла в хлопоты: вещи, перевод в новую школу... Думала, улажу формальности и тогда поговорю с тобой. А потом поняла, что никакие объяснения уже не нужны.

Она улыбнулась.

— Вы с ним удивительно быстро поладили. Нашли общий язык, и я впервые увидела, что мой сын, оказывается, умеет так трогательно заботиться о ком-то. Это судьба, — добавила она. — Редко люди так подходят друг другу. Сяо Куэй еще маленькая, ей нужно было всё объяснять заранее, «готовить почву», а с вами...

Цзян Чжоу не мог не согласиться насчет судьбы — его собственное отношение к «малышу Си» порой удивляло его самого.

— И всё же, я хочу знать про его родителей, — настоял он.

— С чего вдруг такой интерес? Сиси сам спрашивал? — удивилась Линь Энь.

— Просто хочу знать. Раз даже Сяо Куэй в курсе, почему от меня это скрывают? — он недовольно надулся.

— Ну хорошо, — Линь Энъ понимающе улыбнулась. — Об отце Цзян Си я знаю мало. Говорили только, что он был очень богат. Я его в глаза не видела. А вот мать Сиси... Она была... Господи, она была невероятно красива. Самая красивая девушка из всех, кого я знала. Мы дружили в начальной и средней школе, в старших классах разошлись по разным заведениям. Сначала переписывались, но потом она влюбилась, и общение сошло на нет. В тот год, когда я поступила в университет, прошел слух, что она сбежала с кем-то... А следующей вестью стала уже её смерть. Сказали, что сразу после рождения Цзян Си она бросилась в реку...

***

Линь Энъ до сих пор не могла говорить о судьбе подруги без горечи, а Цзян Чжоу, слушая её, чувствовал, как сердце обливается кровью за Цзян Си.

Выйдя из комнаты матери, он спустился на кухню — выпить воды и хоть немного прийти в себя. В саду горели огни.

У их дома был чудесный сад — за кухонной дверью скрывался маленький уютный мир. Там среди цветов и кустарников стояли стол, стулья, скамейки и любимое кресло-качалка. Зимой в саду редко кто бывал; мать обычно убирала всю мебель, оставляя только это самое кресло — слишком тяжелое и громоздкое.

Сквозь стекло Цзян Чжоу увидел силуэт Цзян Си. Тот мерно покачивался в кресле.

«Не знаю, почему ты так не даешь мне покоя, но, кажется, я нашел причину. Вокруг тебя вечно веет холодом и одиночеством. Мне страшно, что ты совсем замерзнешь, и я просто хочу затянуть тебя в свой шумный и теплый мир».

Когда Цзян Чжоу вышел в сад с двумя чашками горячего напитка, Цзян Си вздрогнул и торопливо уткнулся в книгу, делая вид, что увлечен чтением.

— Какое рвение, — Цзян Чжоу поежился от ночного холода. — На, выпей молочного чая.

— Спасибо, брат, — Цзян Си обернулся к нему с кроткой улыбкой. — Ты замерз?

— Зима на дворе, мелкий. Кто в здравом уме торчит на улице посреди ночи? — Цзян Чжоу растер свои плечи.

Цзян Си тут же набросил свою легкую куртку на колени брата.

— Так лучше?

— Не надо мне, ты же сам... — Цзян Чжоу осекся. Он случайно коснулся руки парня — та была

удивительно теплой. — Ну ты и морозостойкий, Цзян Сиси.

Парень лишь тихо рассмеялся.

— Что читаешь? — Цзян Чжоу не стал больше спорить, поплотнее укутал ноги курткой и отхлебнул чай.

— Математику.

— Бессонница замучила? Решил использовать учебник как снотворное? — осторожно поинтересовался он.

— Нет, просто интересно. Но сегодня мысли постоянно куда-то улетают.

Цзян Чжоу не успел спросить, о чем он думает, как парень сам спросил, повернув голову:

— Брат, вы с дядей Цзяном поссорились из-за...

— А, это. Мы постоянно лаем, скоро привыкнешь, — небрежно бросил он.

Цзян Си не хотел привыкать. Он хотел понять причину раздора и то, почему брат так упорно не желает навещать деда. Но было очевидно, что сейчас Цзян Чжоу не настроен на откровения. Оставалось только ждать.

— А когда у тебя день рождения? Дядя Цзян сказал, что на Новый год.

— Прямо первого января, — ответил Цзян Чжоу. — А у тебя?

— У меня первого октября.

— В День образования КНР? — он развеселился. — И почему тебя тогда не назвали Цзян Гоцин?

— В деревне тогда уже было несколько Гоцинов, и дедушка решил придумать что-нибудь другое, — Цзян Си вспомнил слова деда, и он нежно улыбнулся. — Я родился ночью. В саду как раз расцвел ночной жасмин, аромат был такой густой, обволакивающий... буквально накрывал собой. Вот и выбрали имя «Си» — «накрывающий», «окутывающий».

Жаль только, что, как бы ни благоухали цветы, мама этого уже не увидела. Иначе не покинула бы этот мир так решительно. При этой мысли настроение Цзян Си мгновенно угасло.

Цзян Чжоу еще что-то говорил, нахваливая литературный вкус его деда, но, заметив, как парень помрачнел, замолчал.

— Цзян Си, — после долгой паузы мягко позвал он. — Хочешь съездить в Посёлок Чжу? Навестить его?

***

Зимнее утро выдалось туманным. От глубокого вдоха в груди разливался леденящий холод.

Цзян Чжоу притащил Цзян Си на автовокзал, и они сели в автобус до Чжу. Юный господин Цзян, который вечно недосыпал ночами, не упустил возможности вздремнуть — едва опустившись в кресло, он натянул капюшон и провалился в сон.

А вот Цзян Си было не до сна. Для него это было похоже на настоящее маленькое путешествие. Он с любопытством оглядывался по сторонам: пассажиров было немного, и все сидели с отсутствующими лицами. Только Цзян Си, точно птица, впервые вылетевшая из клетки, с восторгом взирал на мир.

Когда автобус тронулся, он почти прижался лицом к стеклу, рассматривая мелькающие пейзажи сквозь пятно выдохнутого пара. Вскоре он почувствовал тяжесть на плече — брат наконец прикорнул, склонив голову на него. Цзян Си выпрямился и, чтобы брату было удобнее, скатал свой шарф валиком, подложив ему под голову.

Прошло время, парень тоже ненадолго задремал, а когда проснулся, почувствовал, что утренние бутерброды уже давно переварились. Еды с собой не было. Цзян Си немного поколебался, а потом осторожно запустил руку в карман куртки брата. И так и замер от удивления — там было полно конфет! Он вытащил целую горсть: разноцветные фантики, фруктовые леденцы, шоколадки.

Цзян Си ссыпал их обратно и наугад вытянул одну. Снова молочная ириска.

***

Посёлок Чжу находился совсем рядом с деревней, где жил дедушка — минут пятнадцать пешком.

— Давай купим цветы, — предложил Цзян Чжоу, когда они проходили мимо лавки. — Твой дедушка любил какие-то конкретные?

Цзян Си не знал. Наверное, деду за всю жизнь ни разу цветов не дарили.

— Выбери сам. Белые или желтые будут в самый раз, — подсказал брат.

Цзян Си оглядел витрину и указал на белые розы.

— Эти? — Цзян Чжоу задумался. — Ну, ладно. Пусть будут они.

Раньше Цзян Си обожал приходить к деду. С другими он молчал, а деду рассказывал абсолютно всё. Теперь рядом с ним была и могила бабушки — деду явно больше не было одиноко. Но Цзян Си вдруг не нашелся, что сказать.

— Его... его зовут Цзян Чжоу, — после долгого молчания внезапно выдал он, указывая на спутника. — Ему шестнадцать, он в десятом классе. Любит баскетбол и музыку. У него аллергия на манго, и еще он...

— Сиси, — смущенно перебил его Цзян Чжоу. — Расскажи что-нибудь о себе. То, что сам хотел сказать дедушке.

— Так я и рассказываю ему о тебе, — просто ответил Цзян Си.

— Ну... ладно. Тогда говори не спеша, а я подожду тебя внизу.

Цзян Чжоу низко поклонился могиле и поспешил спуститься по тропинке, чувствуя себя как-то неловко.

— Дедушка, — тихо продолжал Цзян Си, — у меня всё хорошо. У меня теперь есть новый дом. И брат... он очень добр ко мне. Я его очень люблю. Тебе больше не нужно за меня волноваться.

Спустя пару минут Цзян Чжоу увидел бегущего к нему Цзян Си.

— Не беги, не беги! Смотри под ноги, упадешь еще! — крикнул он.

— Я всё сказал, — парень подбежал, слегка запыхавшись.

Цзян Чжоу легонько кашлянул. Интересно, много ли этот малец успел про него наговорить? Надеюсь, хоть не жаловался. Хотя нет, вряд ли.

— Сиси, — вдруг заговорил он, — скажи... ты когда-нибудь навещал могилу матери?

Цзян Си замер, а потом медленно покачал головой.

— Мама вчера сказала мне, что она где-то здесь, неподалеку, — продолжил брат. — Если хочешь, мы можем разузнать...

— Нет, — отрезал Цзян Си. — Я... я не хочу туда идти.

Цзян Чжоу внимательно посмотрел на него и кивнул.

— Хорошо. Тогда возвращаемся.

— Угу.

— После дедушки на душе полегчало? — спросил Цзян Чжоу.

— Намного! Брат, я уверен, ты бы ему тоже очень понравился.

— В этом я даже не сомневаюсь, — улыбнулся тот.

На самом деле, каждый раз, когда Цзян Си вспоминал деда, Цзян Чжоу невольно думал о своей бабушке. Она тоже была чудесным человеком. Жаль только, мужа выбрала не того.

***

В Наньхэ они вернулись к обеду. Едва Цзян Чжоу решил, что пора бы основательно подкрепиться, как от «неразлучной парочки» друзей посыпались сообщения в Вичат:

«Лундань, что на обед?»

«Лундань, не хочешь выбратся перекусить? Мы за компанию!»

Цзян Чжоу вздохнул.

— Пошли, угостим этих обормотов. Сиси, ты чего хочешь?

— Мне всё равно, — ответил тот.

— Кто бы сомневался. Так, давай-ка выбирай.

Цзян Чжоу закрыл ему глаза ладонью, поднял его руку и начал водить ею в сторону ресторанной улочки.

— Давай посмотрим, на что укажет перст судьбы: западная кухня, барбекю или, может, сычуаньская острая...

У Цзян Си голова пошла кругом от этих маневров, а потом он услышал торжествующий голос брата:

— О! Оказывается, ты хочешь жареное мясо!

Цзян Си тихонько рассмеялся, разоблачая его:

— Брат, это ты хочешь мясо.

— Ничего подобного! Это наше общее желание, редкое единодушие, — самодовольно заявил Цзян Чжоу.

Но на запах жареного мяса слетелись не только двое друзей. Прожорливое семейство Чжоу — близнецы и Сяо Куэй — тут же возникли рядом. Едва мясо на решетке успевало прожариться, как его сметали в мгновение ока. Казалось, пронесся ураган, оставив после себя лишь одиноко тлеющие угли.

Цзян Чжоу с щипцами для мяса в руках философски наблюдал за этим пиршеством. Чжоу Сяодун и Ли Шу были настоящими бойцами — хватали молниеносно. Близнецы и Сяо Куэй предпочитали тактику выпрашивания: сами не готовили, зато виртуозно перехватывали добычу на полпути к чужому рту.

А Цзян Си... он был просто сторонним наблюдателем.

Тогда Цзян Чжоу с самым серьезным видом принялся наставлять его:

— Запомни, малец: мир — место суровое. Ресурсы ограничены. Ты должен бороться, должен становиться сильнее, хитрее и наглее. Чтобы получить свой кусок мяса, нужно приложить усилия. За столом скромность — это грех.

Цзян Си подумал, что брат совершенно прав. Конкуренция была просто чудовищной, в следующий раз нельзя так хлопать ушами.

Он посмотрел в свою тарелку — та была с верхом завалена сочными кусочками мяса, а сам он уже был практически сыт...

Мир и впрямь может быть суровым.

Но у меня есть ты.

— Так, мясо готово, — скомандовал Цзян Чжоу, снова взмахнув щипцами, как дирижерской палочкой. — Руки прочь, пока я не разрешу!

<http://bllate.org/book/17532/1703009>